

**КНИГИ
АНАСТАСИИ ГОР**

**ТРИЛОГИЯ
«КОВЕН ОЗЕРА ШАМПЛЕЙН»**

Ковен озера Шамплейн
Ковен заблудших ведьм
Ковен тысячи костей

ДИЛОГИЯ «РУБИНОВЫЙ ЛЕС»

Рубиновый лес
Кристалльный пик

РОМАН-ОДНОТОМНИК

Самайнтаун
2:36 по Аляске

**ЦИКЛ
«СКАЗАНИЯ О МОНОНОКЕ»**

Сказания о мононоке
Сказания о ёках

主長升月入

已長升之升廿月日

丁口口

升廿升已丁升已月

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Красочные иллюстрации *bagi*

Дизайн цикла *Кати Петровой*

Дизайн переплёта *Радия Фахрутдинова*

Гор, Анастасия.

Г67 Сказания о ёкаях / Анастасия Гор. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-04-236104-3

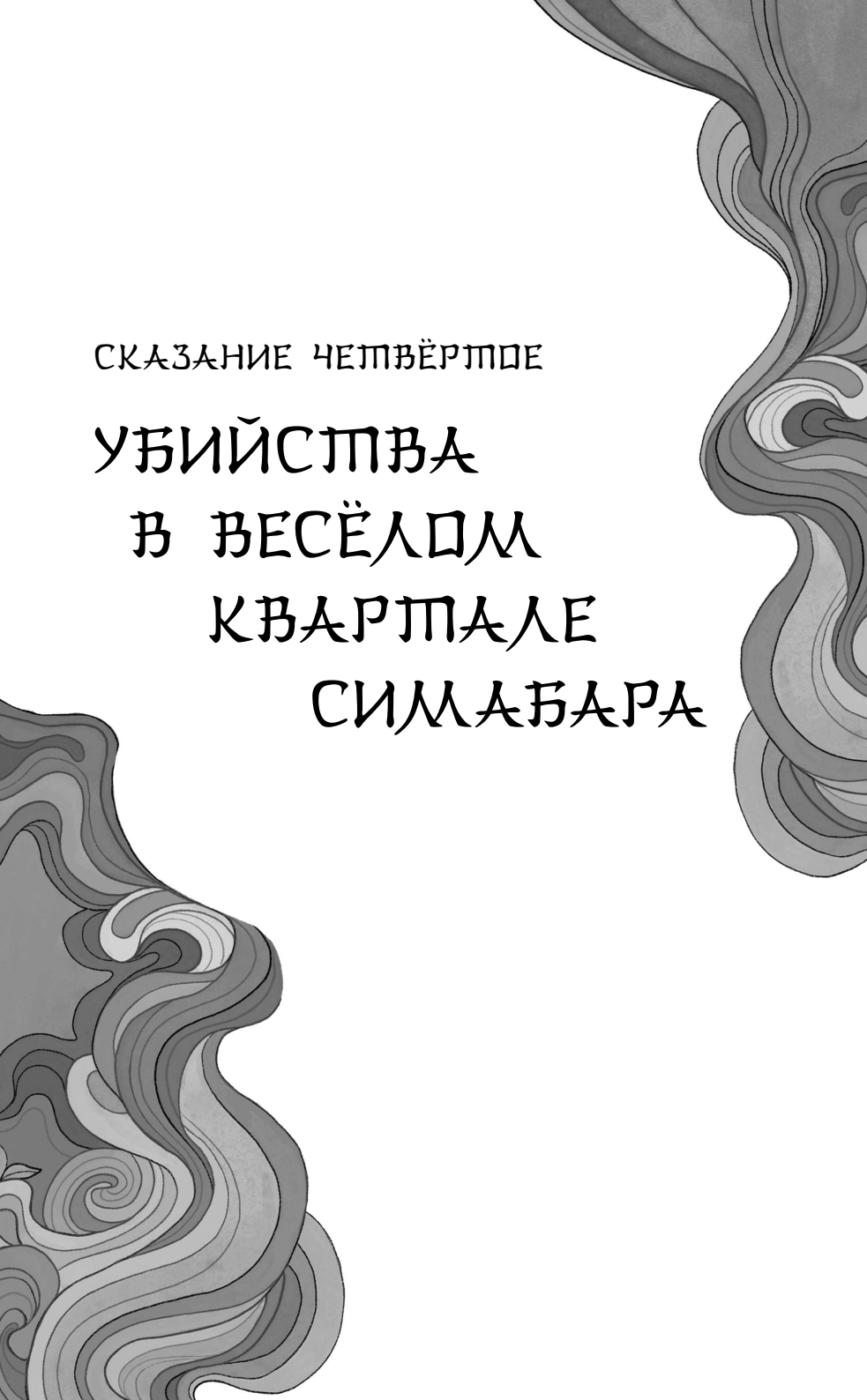
Почти год прошёл с тех пор, как Кёко Хакуро стала ученицей Великого Странника. Её обучение продолжается, но путешествие приводит к существам гораздо страшнее мононоке.

Пока в весёлом квартале Киото клиенты одного из домов расплачиваются за любовь жизнью, в далёкой деревне ёкаев готовится вознесение нового бога. Кёко и Страннику предстоит изгнать неупокоенных духов, а ещё как-то поймать таинственного юношу в маске чёрного лиса. Ведь незнакомец не только выдаёт себя за Странника, но и кое-что у него крадёт...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

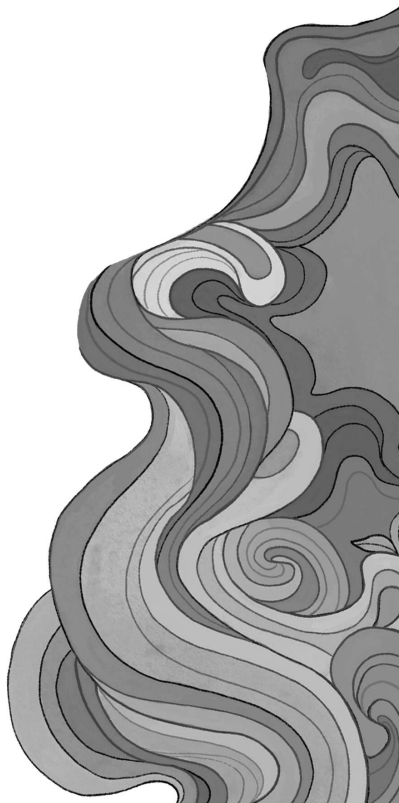
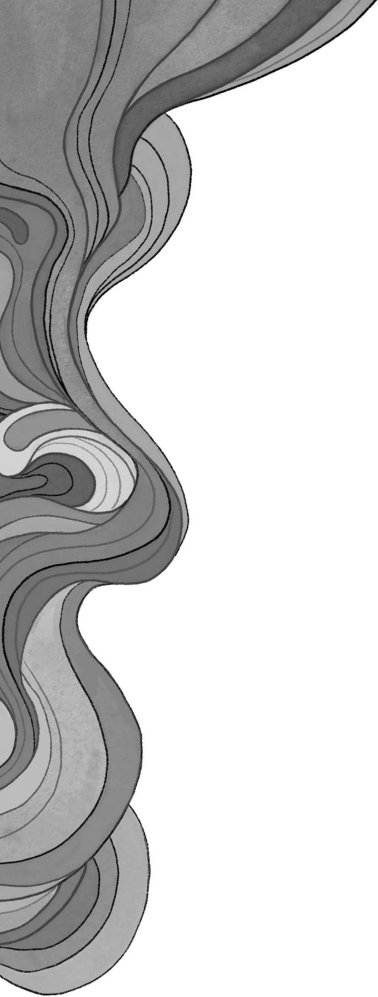
© Гор А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

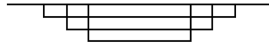
ISBN 978-5-04-236104-3

The page features decorative wavy patterns in the corners, rendered in various shades of gray. These patterns consist of concentric, flowing lines that create a sense of movement and depth, framing the central text.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

УБИЙСТВА
В ВЕСЁЛОМ
КВАРТАЛЕ
СИМБАРА

С тех пор как в весёлом квартале Симабаре зажглись первые огни, хотя бы один фонарь где-нибудь на здешних улицах да горел. Красный, золотой, розовый или медовый, но не случалось такого, чтобы в комнату с окнами не проникал луч пёстрого света и чтобы было настолько темно, что ничего не увидеть за шёлковой ширмой.

Должно быть, от чего-то другого тот бокка¹ был слеп. Возможно, от голода, потому что за целый год не тратил на себя ни монеты. Носил по домам рис, рыбу и вино, но ни к чему из этого не прикасался. Спал на соломенной циновке, чтобы однажды заснуть и проснуться на бархате; считал жалованье по ночам, перекладывая медные монеты из руки в руку, чтобы однажды перебирать в них нежные изящные пальчики, не пробовавшие тяжёлой работы. Он знал, сколько стоит одно свидание. Знал, как мало свечей догорит к тому моменту, как оно кончится, и сколько жизней ещё придётся работать, чтобы его повторить.

Однако когда наступил заветный вечер и бокка без всяких сожалений расстался с накопленным, за ширмой его ждало что-то другое.

¹ Бокка — носильщики и доставщики припасов в отдалённые места.

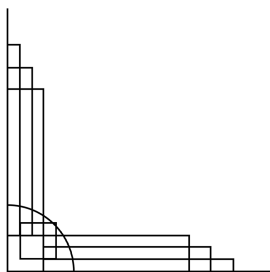
Бокка ему поклонился. Оно поклонилось в ответ.

Бокка увидел цветы. Оно подарило ему несколько своих лепестков.

Бокка остался в темноте. Впервые все фонари Симабары разом погасли.

На заднем дворе дома, что воспевает любовь, из-под снега пробились цветы, которые обычно цветут на надгробиях. Слуги их тут же вырвали с корнем, фонари снова зажгли, а лепестки подмели и убрали. О том, что здесь поселилась другая богиня, которая не поёт и не играет на биве, — смолчали.

А следующим после бокки был юный влюблённый поэт, и красные цветы на заднем дворе проклюнулись вновь.

Сами боги не хотели, чтобы Кёко Хакуро становилась экзорцистом.

Однако следующий год её начался именно так, как начинался у большинства представителей сего ремесла: с погони за мононоке, сбежавшим посередине ритуала изгнания.

А над городом Киото, хорошо припудренным снегом, в это время распускались ханаби — дивной красоты цветы из пёстрых огненных искр, посеянных взрывами летящего пороха¹. Маленькая и скромная Камимура не знала столь шумных празднеств, и оттого у Кёко, которая провела там всю свою юность, поначалу трещала голова с непривычки, а от каждого выстрела кололо где-то в подреберье. Теперь же этот грохот и ей, и Страннику благоволил: за ним не был слышен рёв, с которым нёсся по крышам охваченный безумием неупокоенный дух. Чёрное хаори реяло в расцветающей ночи, образовывало вдалеке тонкий человеческий силуэт. Взмахивая рукавами, он тем самым дразнил:

¹ Речь идёт о фейерверках, которые впервые появились в Японии ещё в XVII веке и носили названия «ханаби», что буквально переводится как «цветок огня».

«Попробуй угнаться!» Кёко боялась, что как бы одеяние духа — вернее, сам дух — не загорелось от реющих вокруг пламенных снопов, сквозь которые они летели, перескакивая с дома на дом, с козырька на козырёк через жилые кварталы.

— Чтоб тебя! — выругалась вконец запыхавшаяся Кёко, хотя не пристало выражаться в первый день года, если, конечно, не хочешь накликать беду на весь оставшийся.

Но кто станет её судить? Холёные горожане только-только выползли из своих тёплых домов, чтобы обменяться с соседями добрыми пожеланиями и горшочками со сладким печёным картофелем. Это не они морозили разутые ступни о покрытую инеем кровлю, глотали колючий мороз, от которого не спасала даже подбитая ватой накидка, и рисковали подхватить лихорадку, лишь бы не допустить беду самую что ни на есть настоящую, страшную, даже скорее трагедию. Ту, что случится, если мононоке улизнёт и унесёт вместе с собой похищенную душу, которую завернул в себя, как в кокон, — и считай, что запер.

— Смотри, мама! Кто это там? На верхушке дома, где мы покупаем рисовые булочки!

— Это же не... люди?!

Кёко снова поскользнулась и чуть не скатилась с покатой крыши ларька, торгующего дагаси¹, когда прямо перед ней из небольшого закоулка взвилась пламенно-пурпурная стрела и грохотнула. Кёко отпрянула резко, ноги её, заледеневшие, разъехались, и погоня, которую уже мало-помалу стали замечать любопытные горожане, едва не завершилась раньше срока.

¹ Дагаси — дешёвые сладости и конфеты, обычно из крахмала или зерна.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

И всё-таки Кёко удержалась на самом краю. При села, сделала глубокий вдох, чтобы расправить скукожившиеся от нехватки воздуха лёгкие, и перепрыгнула через закоулок и распустившиеся в нём пламенные цветы, порвав его лепестки на части. Даже поранив о черепицу пятку, она всё мчалась дальше, через половину Киото от лавки погребальных дел мастера, где они со Странником мононоке и встретили.

Как ядовитая змея, пригревшаяся на нагретом камне, проклятое хаори прибыло туда на теле одной из жертв, доставленном на куске колотого льда для подготовки к похоронам. Кёко ещё долго не сможет забыть ужас на лице ноканси¹, когда он, заикаясь, сообщил, что именно в этом хаори похоронил уже семь юных девушек подряд и вот-вот собирается схоронить восьмую. Конечно, Кёко со Странником сразу догадались, что за ней непременно последует девятая, а значит, изгнание нужно провести как можно скорее. Чего они не ожидали, так это того, что подлое одеяние прознает про их планы и сможет их опередить.

Так же, как Кёко не забудет лицо ноканси, она не забудет его протяжный вопль «Моя дочь!», когда та, околдованная злым очарованием хаори, сняла его с покойной, надела на себя и, провыв что-то о возлюбленном, упала навзничь.

Кёко никогда не винула Странника ни в каких оплошностях — было достаточно того, что он сам себя за них бранит. Жестоко и так бессердечно, что ей каждый раз невольно хотелось защитить его перед ним же. Будто, прожив четыреста с лишним лет (если Кёко верно посчитала по его рассказам), он не имел права на ошибку и обязательно должен был знать всё

¹ Ноканси — ритуальный гробовщик.

и обо всём на свете. Даже о том, что в тансу спрячется шкодливая, любопытная девчонка, для которой слова «Никому сюда нельзя входить!» звучат как приглашение, а защитные офуда — просто-напросто бумажки и — пф! — ничего не стоят. Почему бы не сорвать?

Теперь в той комнате, где прежде лежал труп, и лежала проклятая дочь ноканси. Лишь талисманы — эти самые глупые бумажки — не давали её телу окончательно остыть, а душе, украденной хаори, — позабыть к нему дорогу, пока Кёко со Странником и то и другое не вернут обратно.

«Цукумогами — опаснейшая форма мононоке», — говорил Кёко её дед, но она бы добавила к этому ещё «И наипротивнейшая!». Непредсказуемая, подлая, совершенно беспринципная, будто вместе смешалось всё дурное, что только бывает в людях. Самое скверное сочетание всех неприятных и потусторонних черт.

«Ещё и такое быстрое... Ах, снова удирает!»

Пожалуй, в следующий раз ей стоит поменяться со Странником местами. Вместо того чтобы бегать кругами за зловредной одеждой, она бы тоже предпочла ходить по домам, расспрашивать о прошлых инцидентах и пытаться узнать Первопричину — последнее, что им осталось из трёх компонентов для обряда. Пока Странник наверняка стучался в очередную дверь и старался казаться милым — конечно, ничуть не суетясь, чтобы не испортить свой любезный образ, — она играла с мононоке в догонялки. И уже израсходовала почти все свои талисманы, чтобы понемногу гнать его туда, куда нужно не ему, а ей. Вещь ведь, может, и с самосознанием, но с интеллектом не шибко выдающимся. Хаори, наверное, даже не заметило, что совершило крюк — убежало от погребальной лавки и вернулось к ней.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

«Где же его носит?!»

Она клялась Страннику больше не танцевать — не пробовать упокоить мононоке самостоятельно. И собиралась эту клятву до последнего держать. Не столько ради себя и своего ки — коего, по словам Странника, ни у одного живого человека не было достаточно для подобного искусства, — сколько ради него самого. Чтобы он сам духов изгонял. Чтобы он, упокоив зло, заслужил себе ещё одну красную метку в лозах кумадори¹, а вместе с ней — ещё одно прощение, которое приблизит его к заветной свободе от проклятия.

Двадцать один. Ему остался двадцать один мононоке. Кёко за его списком следила, как за своим собственным, каждого считала.

И собиралась сегодня округлить это число.

— *Как вода по зиме, как воск на затухшей свече,* — начала она срывающимся шёпотом, что обращался на морозе в клубы пара. — *Как звёзды на небе по велению богов.* Замри!

Сколько бы ни упражнялась, а всё равно не могла призывать талисманы мысленно. Но, по крайней мере, теперь Кёко их даже не касалась.

Она вскинула руку, будто пытаясь схватиться за очередную огненно-рыжую хризантему, с грохотом зашипевшую над зубцами крепостных башен. Последняя оставшаяся у неё бумажная лента сама сорвалась с пояса и устремилась вперёд. К этому моменту пальцы на ногах у Кёко уже были синими-синими, а волосы побелели от кружащегося снега, будто она и вправду была юки-онной, которой её дразнили в детстве, — зимним духом, забавы ради обрядившимся в оммёдзи. Одежда

¹ Кумадори — разновидность макияжа актёров театра кабуки. Именно кумадори нарисован на лице Странника.

Кёко была яркой, красно-жёлтой, как фейерверки, продолжающие пачкать безупречно чёрный небосвод Киото. Она почти слилась с ними и благодаря тому всё же настигла мононоке.

Теперь, когда по истечении одной минуты спадут наложенные офуда чары, ей предстояло драться.

Всячески придумывая, как это делать, по-прежнему имея вместо меча лишь его осколки, она не придавала значения тому, что чёрное хаори остановилось слишком быстро, на секунду раньше, чем к его спине приклеился офуда. Зато во вспышках очередных ханаби Кёко разглядела узор из водяных мельниц, вышитый на матовом крепе. Его мягкий рукав почти коснулся её рукава, а сама Кёко — мононоке... Прежде чем нечто пушистое и огромное скатилось откуда-то валуном, сбilo её с ног и снесло вниз с крыши.

— Мио!

Кёко визжала и ругалась, даже когда летела кубарем. Очевидно, хранительница Высочайшего ларца императрицы кошек никак не могла расстаться со старой привычкой ронять Кёко с высоты. Мало того, что Кёко смела собой с крыши весь снег, расцарапала щеку о черепицу и опозорилась на глазах у поднявших головы на крик людей, так Мио ещё и разодрала ей весь бок когтями! Не будь кимоно зачарованным, покрытым сверху нитями храмовых шелкопрядов, его бы после такого пришлось нести к швее. А вот утеплённой зимней накидке повезло меньше: ткань с треском порвалась. Каким-то образом в полёте Кёко очутилась не под Мио, а верхом на ней, и даже не поняла, как именно. Наверное, лишь благодаря этому Кёко, сорвавшись с высоты в семь-восемь кэнов¹, и не свернула себе шею.

¹ Кэ н — мера длины, равная примерно 1,8 метра.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Звериная шерсть смягчила падение, и Кёко, соскользнув с холки Мио в сугроб, с удивлением обнаружила, что даже почти не ушиблась.

— Зачем ты это сделала?!

— Слепая, что ли?! — прорычала Мио из-под чёрных лап, которыми прикрывала обагрённую и здоровенную, как у медведя, морду. Кёко так растерялась при виде её разбитого блестящего носа, из которого на снежную дорожку хлестала кровь, что даже забыла огрызнуться и напомнить про свой незрячий глаз. — Приглядишься, что там наверху за спиной у мононоке! Посмотри, куда ты летела, дура!

«К смерти своей», — осознала Кёко сразу же, как задрала голову, прищурилась и позади развевающегося чёрного хаори, замершего в воздухе из-за чар, различила длинные и острые *колья*. Недостроенный магазин керамики, обещавший своей вывеской скорое открытие и лучшие изделия, выполненные в технике кутани, оброс ими, как зубами. То было основание крыши, а заодно и возможная могила Кёко, кинься она на зыбкое, тонкое хаори, которое было не чем иным, как покрывалом для ловушки. Хаори бы порвалось, но выжило, а вот Кёко... Кёко — нет. Она любила шашлычки-кушияки, которые жарили на рынке Нишики, но теперь, представив в таком же виде себя, сомневалась, что сможет их есть.

— Ты должна была сопровождать Странника, — выдавила Кёко вместо благодарности, отряхиваясь от снега и жутких фантазий.

— Я ничего ни тебе, ни ему не должна.

От резкого тона Мио слово «*Спасибо*» окончательно застряло у Кёко в горле и опустилось обратно вниз, туда, где скопился морозный воздух, которого она наглоталась за время погони. Несмотря на то